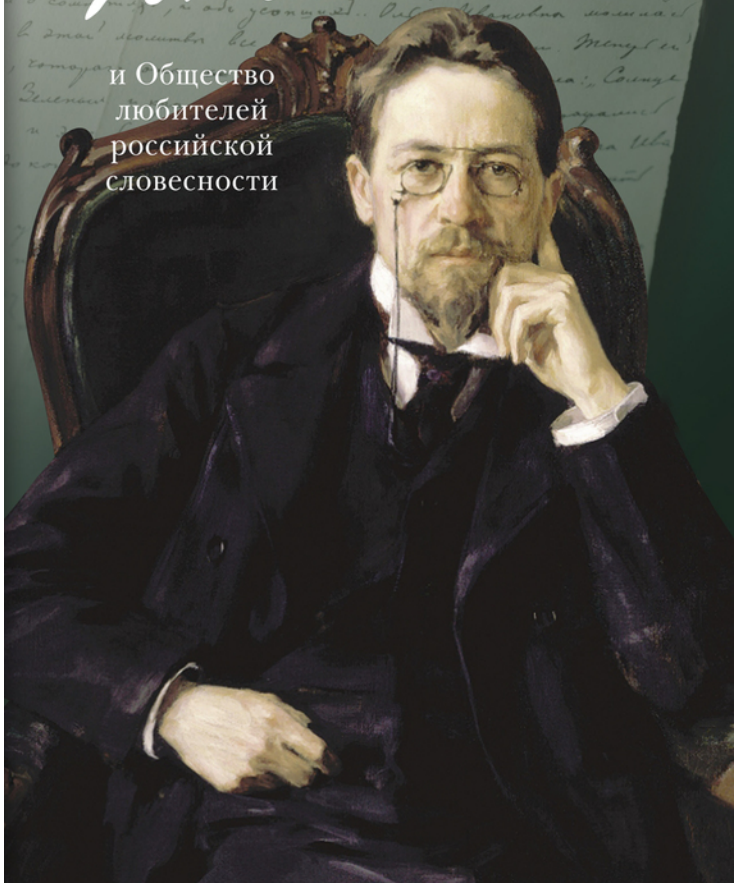

А.М. Чехов

и Общество
любителей
русской
словесности

Коллектив авторов
Л. М. Кулаева
Чехов А.П. и Общество
любителей российской
словесности (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25756877

А. П. Чехов и Общество любителей российской словесности /

Составитель Л. М. Кулаева: Белый город; Москва; 2015

ISBN 978-5-7793-2456-4

Аннотация

Книга «А. П. Чехов и Общество любителей российской словесности» завершает цикл выпусков, посвящённых жизни и творчеству классиков русской литературы XIX века, бывших членами Общества любителей российской словесности. Созданное в 1811 году при Московском университете, оно просуществовало до 1930 года и было воссоздано усилиями современных выдающихся исследователей русской литературы в 1992 года. Сборник включает статьи, посвящённые осмыслению наследия А. П. Чехова, его влияния на мировую литературу, на отечественную общественную мысль, а также статьи о том, какими предстанут произведения писателя в сознании грядущих

поколений. В сборник вошли материалы, которые характеризуют А. П. Чехова как члена ОЛРС (с 1889 года), а также статьи литературных критиков, его современников и современных исследователей его творчества, сотрудников мемориальных музеев. Книга вносит заметный вклад в популяризацию достижений отечественного литературоведения.

Для преподавателей вузов, учителей-словесников, историков русской литературы, студентов и школьников, подлинных ценителей творчества великого мастера.

Содержание

К читателям	6
Часть I	10
Р. Н. Клеймёнова	10
В. М. Родионова	20
А. Г. Головачёва	36
Часть II	47
Ю. И. Айхенвальд	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Л. М. Кулаева
А. П. Чехов и
Общество любителей
русской словесности

© ОЛРС, 2015

© Составитель Л. М. Кулаева 2015

© ООО «Белый город», дизайн обложки и макет,
2015

*Памяти Раисы Николаевны Клеймёновой
посвящается*

К читателям

Книга «А. П. Чехов и Общество любителей российской словесности» завершает цикл выпусков, посвящённых жизни и творчеству классиков русской литературы, бывших членами Общества любителей российской словесности, созданного в 1811 году при Московском университете.

Первым председателем Общества был Антон Антонович Прокопович-Антонский (три Антона, как его звали друзья). Он был директором университетского Благородного пансиона, преподавал в университете естественную историю и согласился быть председателем Общества с одной целью – показать воспитанникам пансиона и студентам университета настоящих литераторов, помочь создать ту среду, в которой сможет развиваться российская словесность. Общество на протяжении всей своей истории не гонялось за славой, оно работало над проблемой создания «здоровой» словесности, стремилось подготовить почву, на которой легко «произрастают» таланты. Его члены всё делали для того, чтобы соединить народную культуру и дворянскую. Издавались фольклорные сборники, чтобы дворяне познакомились с культурой своего народа, а для народа – сочинения А. С. Пушкина. На заседания приглашались все желающие.

Наиболее заметными достижениями в деятельности Общества были издание Толкового словаря живого великорус-

ского языка В. И. Даля, фольклорных сборников, организация торжеств по случаю открытия памятника А. С. Пушкину, сбор средств на памятник Н. В. Гоголю и организация торжеств в 1909 году по случаю его открытия. Последний председатель Общества П. Н. Сакулин в 1927 году, выступая на заседании, чётко охарактеризовал основную цель деятельности руководимой им организации: «В качестве научно-литературного общества мы разом живём прошедшим, настоящим и будущим. Зачем люди обращаются к прошлому? Какой в этом смысл?» И дальше: «Ответить можно по-разному. Но, думается, что, обращаясь к наследию писателей, поэтов и многих-многих других достойных соотечественников, мы „умножаем“ их жизни, данные им судьбою, и одновременно мы умножаем и собственные жизни. Ради этого стоит обращаться к прошлому и делать всё, что в наших силах, чтобы сохранить память об этом прошлом для наших потомков».

Общество любителей российской словесности, воссозданное в 1992 году, следовало традициям своего предшественника. На заседаниях речь шла о современных филологических проблемах как в XX веке, так и в начале XXI. Помогала в этом вышедшая в 2002 году монография Р. Н. Клеймёновой «Общество любителей российской словесности. 1811–1930». Монография сыграла весьма заметную роль в объединении вокруг Общества талантливых исследователей русской культуры, знатоков и ценителей литературного творчества.

В 1999 году выпуском, посвящённым юбилею А. С. Пушкина, Общество начало издание сборников, освещающих современное состояние исследования творческого наследия классиков русской литературы. Отмечая, что в филологической науке накоплен огромный духовный потенциал, ОЛРС небезуспешно призывало всех заинтересованных в сохранении русской словесности к регулярному взаимообогащающему общению. Вслед за первым в свет вышли сборники, посвящённые Н. В. Гоголю, В. И. Далю, И. А. Бунину, Л. Н. Толстому, И. С. Тургеневу, Ф. М. Достоевскому.

Цель сборника «А. П. Чехов и Общество любителей российской словесности», как и прежде изданных, – показать читателям русскую литературу в прошлом, настоящем и через настоящее в будущем, дать почувствовать через литературу связь времён, в том числе и то, какую роль в этом сыграло Общество любителей российской словесности. Нынешнее Общество по мере сил следует традициям прежнего, у истоков которого стояли многие и многие выдающиеся деятели московской интеллигенции, в познании и популяризации российской словесности. О «прошлом» это – статьи Р. Н. Клеймёновой и В. М. Родионовой, рассказывающие об избрании А. П. Чехова временным председателем Общества, о переписке и встречах с братьями Веселовскими, активными членами Общества, а также литературоведческие статьи современников А. П. Чехова – Ю. И. Айхенвальда и В. В. Калаша. О «настоящем» это – значение исследования наследия

писателя для сегодняшнего дня: насколько он близок современному читателю, насколько сохранилась связь времён. О «будущем» это – статьи об изучении творчества А. П. Чехова в учебных заведениях: будет ли он так же востребован нашими потомками, как и его современниками.

Авторами сборника, по большей части, являются члены возрождённого в 1992 году Общества любителей российской словесности, профессора и доценты ведущих вузов России, а также учителя гимназий и музейные работники.

Все произведения А. П. Чехова цитируются по Полному (академическому) собранию сочинений и писем в 30 т. (2-е стер. изд. М.: Наука, 2000–2008). В тексте в квадратных скобках указаны том и страницы, серия сочинений обозначена «С», серия писем – «П».

Часть I

Р. Н. Клеймёнова

А. П. Чехов и общество любителей русской словесности

В Москве при университете с 1811 по 1930 годы (с перерывом с 1837 по 1858) существовало Общество любителей русской словесности, членами которого были многие известные писатели. При организации Общества была поставлена цель – создание образцовых произведений. Во второй половине XIX века цель была другая – способствовать развитию словесности и распространению знаний о ней. Общество было устремлено в прошлое, в изучение архивов, в их собирание и одновременно наблюдало за современным литературным процессом. На заседаниях постоянно говорилось не только о важности изучения прошлого литературы, но и о необходимости сбора материалов о своих современниках, о значении этих материалов для дальнейшего изучения русской культуры. Общество никогда не выступало с резкой критикой творчества того или иного писателя. Оно признавало талант своих современников, но окончательную оценку оставляло на потом. Открытые заседания посеща-

лись представителями всех слоёв населения. Произведения писателей-современников не раз звучали на его заседаниях. Среди них были сочинения И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. П. Чехова и др.

Общество любителей российской словесности не бежало впереди литературы, оно неспешно следовало за ней, собирая материалы, архивы, систематизируя, расставляя всё по своим местам. Путь Общества – это один из путей познания становления русской литературы, русской культуры, общественной мысли.

А. П. Чехов был избран действительным членом Общества 16 марта 1889 года, по предложению Н. И. Стороженко. На его заседаниях он, однако, так и не появился, хотя Общество старалось вовлечь его в свою жизнь. Но, как отмечал секретарь Общества В. В. Каллаш¹, «живя в Москве только наездами, он сначала мог принимать мало участия в <> [его] деятельности. Что он относился к ней сочувственно, можно видеть из следующих фактов. Во-первых, в архиве Общества сохранилось его письменное согласие на изменение Устава (от 23 ноября 1889 года), во-вторых, он дал для прочтения на заседании свой рассказ «Бабье царство», отрывок из которого 19 декабря 1893 года читал за отсутствием автора И. А. Линниченко. И в первом сборнике «Почин» (1895), изданном Обществом любителей российской словесности, опубликован рассказ Чехова «Супруга» (С. 279–285).

¹ Русская мысль. 1905. № 8. С. 72.

В протоколе заседания Общества от 11 октября 1903 года записано, что А. П. Чехов выбран единогласно временным председателем. В этом выразилось «желание Общества, чтобы во главе стоял рядом с выдающимися представителями науки также знаменитый художник слова». Секретарь В. В. Каллаш отправил Чехову в Ялту официальное извещение об избрании. Но он отмечал впоследствии: «Я настолько любил Чехова, как писателя, что в моём официальном извещении невольно проскользнули несоответствующие ему лирические ноты»². Членам Общества было известно, что Чехов болен, но, по ходившим в Москве слухам, предполагалось, что здоровье его «поправилось» и что «он собирается провести зиму в Москве». При выборах Чехова временным председателем «никто, конечно, не думал, что Чехов будет в состоянии принимать постоянное участие в занятиях Общества, – всем хотелось, чтобы он стал ближе к нам, чтобы его имя объединило около Общества лучшие московские литературные и в особенности беллетристические силы»³.

Каллаш долго не получал ответа на своё извещение. Из газет он узнал, что А. П. Чехов приехал в Москву. Тогда он послал второе извещение. В ответ он получил от А. П. Чехова письмо (от 12 декабря 1903 года) с согласием на избрание его временным председателем. Чехов писал: «Письмо Ваше

² Каллаш В. В. А. П. Чехов и Общество любителей российской словесности // Русская мысль. 1905. № 8. С. 72–74.

³ Каллаш В. В. Там же. С. 72.

я получил в Ялте своевременно, не отвечал же так долго по той причине, что Вы не сообщили мне ни Вашего адреса, ни Вашего имени-отчества. Я написал письмо В. А. Гольцеву с просьбой сообщить мне немедленно Ваш адрес, но ответа от него не получил. <...> Вчера я послал ответ А. Н. Веселовскому. Я написал ему, что о согласии моём или несогласии не может быть и речи, я очень рад и счастлив...» [П. 11, 360]. В упомянутом письме Чехова к Алексею Николаевичу Веселовскому (брату председателя Общества), в частности, говорилось: «Это избрание – честь <...> быть может, я мог бы пока быть полезен Обществу по издательской деятельности, мог бы редактировать, читать корректуру...» [П. 11, 360]. Каллаш не сомневался, что желание Чехова помогать в издательской деятельности «не было фразой». Своё предложение Чехов повторил и во время переговоров с членами Общества.

Но вскоре А. П. Чехов вынужден был отказаться от звания временного председателя Общества. На заседании 16 января 1904 года обсуждался отказ А. П. Чехова от должности товарища председателя. Решено «выразить сожаление» и избрать В. А. Гольцева, редактора журнала «Русская мысль»⁴. На этом же заседании Общество решило участвовать в чествовании А. П. Чехова-драматурга совместно с Художественным театром. Каллаш писал, что Чехов «счёл себя вынужденным временно отказаться от должности... Тогда

⁴ ОР РГБ. Ф. 207. П. 14. № 43. Л. 2.

же была выбрана особая депутация (в неё вошли А. Н. Веселовский, В. А. Гольцев и я), которая должна была на следующий день в Художественном театре приветствовать Чехова по поводу постановки «Вишнёвого сада» <...> Горячие приветствия публики и депутатов, видимо, очень тронули Чехова. Утомлённый и измученный, он выслушивал их стоя, несмотря на общие просьбы сесть, и в его милых, трогательно-печальных глазах светилась тихая радость слишком позднего нравственного удовлетворения...»⁵.

Надежды на зиму 1904/05 года не сбылись, судьба хотела другого, и Обществу осталось почтить память своего минутного временного председателя торжественным публичным заседанием (24 октября 1904 года) и изданием особого Чеховского сборника...

В письме к Алексею Николаевичу Веселовскому от 2 февраля 1904 года Чехов благодарил за выраженное доверие и обещал будущей зимой «быть возможно полезным Обществу» [П. 12, 33]. О письме было сообщено на заседании 13 февраля 1904 года⁶.

30 сентября в протоколе заседания Общества появилась запись: «Умер А. П. Чехов. Возложен венок от ОЛРС...»⁷. Сразу же было принято решение провести публичное заседание, посвящённое его памяти. Общество почтило память

⁵ Каллаш В. В. Чехов и... С. 74.

⁶ ОР РГБ. Ф. 207. П. 14. № 46. Л. 16.

⁷ ОР РГБ Ф.207. П.14. № 52. Л. 5.

своего минутного временного председателя торжественным публичным заседанием 24 октября 1904 года. Казначей А. Е. Нос к заседанию заказал большой фотографический портрет Чехова. Председатель А. Н. Веселовский сказал вступительное слово, сделали доклады Ю. И. Айхенвальд («Некоторые мотивы творчества Чехова»), И. А. Бунин («Воспоминания о Чехове»), П. С. Коган («Чехов в ряду европейских юмористов»). Прозвучали прочитанные А. А. Федотовым и А. И. Сумбатовым рассказы А. П. Чехова «Человек в футляре», «Учитель» и «Детвора»⁸.

На том же заседании секретарь В. В. Каллаш предложил издать Чеховский сборник. Предложение было принято. Гольцев посоветовал издавать сборник меньше по размерам и возможно дешевле. До того как были определены задачи Чеховского сборника, Каллаш обратился 5 марта 1905 года от имени Общества во все издания, где дебютировал А. П. Чехов, «с просьбой сообщить все имеющиеся данные по этому поводу»⁹. На основе присланных материалов Каллаш написал статью «Литературные дебюты А. П. Чехова», которую представил для сборника вместе с другой статьёй – «Отношения А. П. Чехова и Общества любителей российской словесности». Делали сборник Ю. И. Айхенвальд, А. Е. Грузинский и П. Н. Сакулин. Они решили вторую статью Каллаша принять, «изменив редакцию нескольких мест статьи, чтобы

⁸ ОР РГБ. Ф. 207. П. 14. № 52. Л. 7.

⁹ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 15. № 3. Л. 1 об.-2.

она могла пойти от имени всего Общества без подписи автора». Первую статью отклонили, так как она была «неподходящая к общему замыслу сборника. Сборник должен был состоять из воспоминаний и одной общей статьи»¹⁰. Было отказано Н. Ф. Сумцову в помещении в сборнике двух статей: «Скучная история» и «Человек в футляре». Грузинский писал Сумцову: «Сборник подбирается не научно-критического, а поминального характера и будет состоять из личных воспоминаний и одной общей характеристики его творчества в целом»¹¹.

Каллаш 27 апреля предложил при Чеховском сборнике дать неизданный портрет молодого Чехова, выделенный фотографом Павловым из группы писателей (конца 80-х годов), и второй портрет, более поздний¹². Общество разослало предложения прислать воспоминания о Чехове всем, кто его близко знал. У Михаила Павловича Чехова просили разрешения перепечатать в сборнике его статью из июльского номера «Журнала для всех», на что он дал согласие в письме от 14 сентября 1905 года¹³. Мария Павловна Чехова в ответ на предложение прислать для сборника переписку семьи ответила телеграммой: «Прислать не могу. Подожду ещё

¹⁰ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 15. № 3. Л. 1 об.-2; № 4. Л. 3.

¹¹ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 15. № 7. Л. 6 об.; № 4. Л. 3; П. 31. № 140. Л. 6. 5 сент. 1905 г.

¹² ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 7. Л. 6 об.

¹³ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 15. № 4. Л. 3.

год». А. И. Куприн вначале отказался. Он свои воспоминания «прочил» для общества «Знание», но потом прислал. В. Н. Ладыженский переработал статью, опубликованную в журнале «Мир Божий» (1905. № 4). В результате в сборнике были напечатаны вступительная статья В. В. Каллаша без указания его имени и статьи Ю. И. Айхенвальда, Мих. П. Чехова, И. А. Бунина, М. Горького, А. И. Куприна, В. Н. Ладыженского, А. М. Фёдорова.

Смета была составлена 8 ноября 1905 года в типографии А. И. Снегирёвой в Москве (Остоженка, Савёловский пер., собственный дом)¹⁴. 26 ноября 1905 года А. Е. Грузинский представил первые листы Чеховского сборника, а 13 февраля 1906 года отчитался о вышедшем сборнике под названием «Памяти Чехова». После выхода сборника М. П. Чехов в благодарственном письме за полученные 10 экземпляров книги восклицал: «Какая прекрасная книга!» 16 октября 1906 года на заседании Общества докладывалось о письме г. Фомина с предложением Обществу напечатать составленную им чеховскую библиографию. Постановили просить его прислать рукопись для напечатания в одном из будущих изданий общества. К сожалению, библиография не была опубликова-

¹⁴ Тираж сборника составил 1500 экз., набор листа цизеро. Решение о тираже 1500 экз. было принято 8 сентября 1905 года, редактором назначен Грузинский. 10 ноября 1905 года было сообщено, что сборник печатается, склад для тиража сделан в помещении журнала «Русская мысль» и у Карбасникова, даны объявления о сборнике, цена назначена 1 руб., скидка для книгопродавцев составила 30 % // О Р. РГБ. Ф. 207. П. 15. № 10. Л. 1.

на¹⁵.

В своём отчёте за бурный 1905 год Общество упоминало, что оно «приняло участие в чеховских поминках 2 июля». В 1906–1907 годах Общество наряду с вопросом о создании благотворительного фонда для бедствующих русских писателей обсуждало и правила по «Чеховскому капиталу» при Литературно-художественном кружке. Для этого была создана специальная комиссия, в которую вошли члены ОЛРС А. Е. Грузинский, М. П. Розанов, В. В. Каллаш¹⁶.

А. В. Веселовский 27 сентября 1908 года доложил о том, что вместе с П. Д. Боборыкиным он присутствовал при открытии памятника А. П. Чехову в Баденвейлере и произнёс от Общества любителей российской словесности речь. 14 февраля 1909 года от В. В. Каллаша поступило предложение устроить в помещении Общества музей Чехова «для его автографов, портретов, литературы о нём и т. д.». В расходах на устройство музея согласились уже принять участие некоторые члены Общества. В организации его от семьи покойного писателя мог бы принять участие И. П. Чехов. Но это пока оставалось мечтой. 21 апреля 1912 года Общество решило передать в Румянцевский музей в организованную комнату Чехова все имеющиеся у него материалы¹⁷. В архи-

¹⁵ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 51. № 8. Л. 4; П. 15. № 9. Л. 33 об.; № 10. Л. 1; № 22–27. Л. 1 об., 24 об.

¹⁶ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 15. № 30–36. Л. 13.

¹⁷ О Р. РГБ. Ф. 207. П. 128. № 10–19. Л. 14.

вах Общества сохранилось свидетельство, что во время все-
российского сбора средств на памятник Гоголю Общество
получило 25 рублей из города Сумы через А. П. Чехова.

В. М. Родионова

А. П. Чехов и братья Веселовские

Сначала – о Чехове и Александре Николаевиче Веселовском (1868–1906), русском филологе, историке литературы, родоначальнике исторической поэтики.

При многих внешних различиях (в начале 1880-х годов Веселовский – академик Российской академии наук, Чехов – студент медицинского факультета Московского университета; один воспитывался в дворянской семье с глубокими традициями дворянской культуры, другой – в семье бывших крепостных, много лет испытывавших материальную нужду; значительной была и разница в возрасте), тем не менее многое сближало их на основе культуры и литературы. Близкими были и их идеологические корни, заложенные учёбой в Московском университете, влиянием демократических идей шестидесятников, интересом к народной жизни и народной культуре.

Для Веселовского 1850-60-е годы (время предреформенное и время Крестьянской реформы) – это годы интереса к демократическим идеям, к работам Чернышевского, Герцена, Фейербаха, Бокля, к народной жизни; время, по его словам, тревожных раздумий и надежд. И для Чехова шестидесятые годы – «святое время», как он писал А. Н. Плещееву 9 октября 1888 года [П. 3, 21].

По окончании университета Веселовский всецело посвятил себя научным исследованиям. Чехов, как потом писал в Автобиографии, «уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой уже в начале восьмидесятых годов приняли постоянный, профессиональный характер» [С. 16, 270]. Но в те же студенческие годы он проявил интерес и к медицине как науке, и к практической стороне профессии. Он собрал много материала для научного труда «Врачебное дело в России», который мог бы стать диссертацией. Во время летней практики работал в Воскресенской земской больнице у известного земского врача П. А. Архангельского, какое-то время был врачом в Звенигородской больнице. Позднее, совершив поездку через Сибирь на каторжный остров Сахалин, написал очерковую книгу «Остров Сахалин» – своего рода дань оставленной диссертации.

«Не сомневаюсь, – отмечал Чехов в Автобиографии, – занятия медицинскими науками имели серьёзное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотносить

ся с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе» [С. 16, 270].

Проблему науки и искусства Чехов рассматривал в единстве: «Знания всегда пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага – чёрта, и воевать им положительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает ещё историю религии и романс «Я помню чудное мгновение», то становится не беднее, а богаче, – стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гёте рядом с поэтом прекрасно уживался естественник» [П. 3, 216].

Разносторонность знаний и научная новизна исследований Веселовского определили его авторитет учёного. Он был членом многих учёных советов в области сравнительно-исторического литературоведения, мирового фольклора в России и за рубежом. Чехов был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности, Общества драматических писателей и оперных композиторов, Московского общества грамотности, участвовал в работе Общества искусства и литературы и др., был избран почётным академиком Российской академии наук по Разряду изящной словесности.

Большая просветительская деятельность и Веселовского, и Чехова способствовала прогрессу России. Будучи уже ака-

демиком Российской академии наук, Веселовский продолжал читать лекции в университете и на Высших женских курсах в Петербурге. Чехов занимался проблемами народных школ и как член Московского общества грамотности, и как помощник предводителя дворянства Серпуховского земства по школьному делу; заботился о книжных фондах школьных библиотек на Сахалине, создал большой книжный фонд для библиотеки родного города Таганрога, на свои средства построил три школы в подмосковных деревнях и в свои последние годы поддерживал начальные школы в Крыму.

А. Н. Веселовский и А. П. Чехов – пропагандисты идей преобразователя России Петра I. По инициативе Чехова в Таганроге был воздвигнут памятник Петру I. Для обоих Пушкин и Гоголь – кумиры, колоссы русской литературы, отразившие коренные проблемы русской жизни.

На их художественный фундамент мог опираться А. Н. Веселовский, определяя понятие, что есть история литературы. «История литературы, в широком смысле этого слова, – подчёркивал он в своей первой университетской лекции, материал которой вошёл в состав его знаменитого труда „Историческая поэтика“, – это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом»¹⁸. Чехов подписался бы под этими словами: основание этому – его творчество. Чехов оставил яркий след в художественном мыш-

¹⁸ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 41.

лении народа, в истории его нравственного и эстетического развития, в формировании его самосознания, в развитии просветительской мысли своего времени. М. Горький считал Чехова «...писателем из тех, что делают эпохи в истории литературы и в настроениях общества...»¹⁹.

В «Исторической поэтике» А. Н. Веселовский писал, отстаивая, по существу, положения В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, что литература должна отражать реальную жизнь, что каждое художественное произведение и наука о нём должны нести на себе печать времени. Развивал он и позицию теоретика «натуральной школы», отмечая: «...современная наука позволила себе заглянуть в те массы, которые до тех пор стояли позади их, лишённые голоса; она заметила в них жизнь, движение, неприметное простому глазу, как всё, совершающееся в слишком обширных размерах пространства и времени; тайных пружин исторического процесса следовало искать здесь, и вместе с понижением материального уровня исторических изысканий центр тяжести был перенесён в народную жизнь. <...> Историческая работа совершается снизу, великие люди принимают её из пелёнок, переживают сознательно...»²⁰.

Эстетическая программа В. Г. Белинского была настоящей школой для Чехова. В честь великого критика он участвовал и в сборнике «Памяти Белинского» (М., 1899), опубли-

¹⁹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. М.: ГИХЛ, 1954. С. 71.

²⁰ Веселовский А. Н. Там же. С. 34.

ликовав рассказы «Оратор», «Неосторожность», «В бане».

Один из главных тезисов «Исторической поэтики» Веселовского: «...каждая культурная эпоха обогащает внутреннее содержание слова новыми успехами знания, новыми понятиями человечности. <...> Это внутреннее обогащение содержания, этот прогресс общественной мысли в границах слова или устойчивой поэтической формулы должен привлечь внимание психолога, философа, эстетика: он относится к истории мысли». Учёный так определяет одну из задач, стоящих перед литературоведами: «проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие. Но это её идеальная задача, и я берусь только указать вам, что можно сделать на этом пути при настоящих условиях знания»²¹.

8 января 1900 года Чехов был избран почётным академиком по Разряду изящной словесности, учреждённому в ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Ещё ранее, в 1888 году, Чехову была присуждена Пушкинская премия за сборник рассказов «В сумерках». Эти два решения принимались Отделением русского языка и словесности Российской академии наук в присутствии и при участии А. Н. Веселовского, в 1880 году ставшего академиком, а в 1899-м – председателем Отделения Академии наук.

²¹ Веселовский А. Н. Там же. С. 41.

Для А. Н. Веселовского не было проблемы, кого избирать в академики. Л. Толстой, Чехов, Короленко – вот первые «почётные академики» Академии наук после реорганизации Отделения русского языка и словесности в Разряд изящной словесности.

В это время авторитет Чехова огромен. Для современников он – непревзойдённый художник слова и выразитель идей своего времени. В январе 1902 года за пьесу «Три сестры» ему будет присуждена Грибоедовская премия.

К Чехову как к почётному академику от имени Академии наук дважды обращались академики М. И. Сухомлинов (1900) и А. Н. Веселовский (1901) с просьбой предложить кандидатов в почётные академики на очередное собрание академиков по Разряду изящной словесности. В письме к М. И. Сухомлинову от 3 мая 1900 года Чехов рекомендовал к избранию «Михайловского Николая Константиновича, Боборыкина Петра Дмитриевича, Спасовича Владимира Даниловича, Эртеля Александра Ивановича и Максимова Сергея Васильевича» [П. 9. С. 92]. Из предложенных Чеховым лиц были избраны С. В. Максимов и П. Д. Боборыкин.

А. Н. Веселовскому 5 декабря 1901 года Чехов писал:
«Милостивый государь Александр Николаевич!

Имею честь предложить на имеющиеся вакансии почётных академиков следующих кандидатов: Михайловский Николай Константинович, Мережковский Дмитрий Сергеевич, Спасович Владимир Данилович, Вейнберг Пётр Исаевич.

Покорнейшие прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в искреннем моём уважении и совершенной преданности.

Антон Чехов» [П. 1, 144, 448].

В чеховских рекомендациях раскрылись его объективность и душевное благородство, особенно если вспомнить, что критик Михайловский в прошлом не раз высказывал резкие, порой крайне неприязненные суждения о творчестве Чехова 1880-х годов, да и оценки Мережковского во многом были Чехову чужды.

8 января 1900 года Чехов сообщал А. С. Суворину:

«Здесь я часто выдаюсь с акад<емиком> Кондаковым. Говорим о Пушкинском отделении изящной словесности. Та как К<ондаков> будет участвовать в выборах будущих академиков, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловского. Первый, замученный, утомлённый человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конно-желез<езной> дороге так же, как нуждался и служил в молодости. Жалованье и покой были бы для него как раз кстати. Второй же, то есть Михайловский, положил бы прочное основание новому отделению, и избрание его удовлетворило бы 3/4 всей литературной братии. Но гипноз не удался, дело моё не выгорело. Добавление к указу – это точно толстовское послесловие к «Крейц<еровой> сонате». Академики сделали всё, чтобы обезопасить себя от литера-

торов, общество которых шокирует их так же, как общество русск<их> академиков шокировало немцев. Беллетристы могут быть только почётными академиками, а это ничего не значит, всё равно как почётный гражданин города Вязьмы или Череповца: ни жалованья, ни права голоса. Ловко обошли! В действ<ительные> академики будут избираться профессора, а в почётные академики те из писателей, которые не живут в Петербурге, то есть те, которые не могут бывать на заседаниях и ругаться с профессорами» [П. 9, 13–14].

25 февраля 1902 года в почётные академики был избран М. Горький, в тот же день баллотировался в почётные академики Алексей Н. Веселовский. Выборы Горького были отменены из-за негативной реакции Николая II.

6 апреля 1902 года Короленко в письме к А. Н. Веселовскому выразил своё отношение к произошедшему:

«Мне кажется, что, участвуя в выборах, я имел право быть приглашённым также к обсуждению вопроса об их отмене, если эта отмена должна быть произведена от имени Академии. Тогда я имел бы возможность осуществить своё неотъемлемое право на заявление особого по этому предмету мнения, так как, подавая голос свой, знал о привлечении А. М. Пеикова к дознанию по политическому делу <...> и не считал это препятствием для его выбора. Моё мнение может быть ошибочно, но и до сих пор оно состоит в том, что Академия должна сообразовываться лишь с

литературную деятельность избираемого, не справляясь с негласным производством постороннего ведомства <...>.

Выборы почётных академиков по существу своему представляют гласное выражение мнения Академии о выдающихся явлениях родной литературы. Всякое мнение по своей природе имеет цену лишь тогда, когда оно независимо и свободно. <...> Всякая человеческая власть кончается у порога человеческой совести и личного убеждения. <...> Смею думать, что это – величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства»²².

Чехов и Короленко решили публично заявить о своём осуждении этого инцидента. Ряд лиц предпринимали попытки повлиять на Чехова, чтобы он отказался от задуманного выхода из Академии. Смеем предполагать, что и председатель Разряда изящной словесности академик А. Н. Веселовский также пытался повлиять на решение Чехова через академика Н. П. Кондакова, историка византийского искусства, знакомого Чехова по Ялте. Об их дружеских отношениях в Академии было известно. Кондаков систематически извещал Чехова о ходе выборов в почётные академики. Вот что писал он Чехову 12 марта 1902 года:

«...Вчера было особое заседание (вчера – 11 марта) Разряда изящной словесности <...> посвящённое тому же инциденту с Максимом Горьким. Прочли высочайший выговор. Затем долго читали «Правила» и пытались подобрать дру-

²² Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1956. С. 337, 338.

гие, но так ничего не подобрали и с тем разошлись, что соберётся частная комиссия <...> считаю своим долгом просить не усугублять горечи какими-либо заявлениями, как можно понять из Вашего письма. <...> Отделению нашему и без того горько, и едва возникший и ещё совсем не устроившийся Разряд может быть совершенно расстроен и даже закрыт, если не дадут пройти времени и новому положению основаться» [П. 10, 558, 559].

В подтверждение этого предположения – сообщение В. Г. Короленко от 10 апреля 1902 года: «Веселовский лично хотел назначить заседание в начале мая (не позже 15-го), но он ещё не знает, что скажет князь (который <...> 6 апреля, уже по прочтении моего письма, не позволил академику Маркову коснуться в общем собрании этого вопроса)»²³.

Заседание состоялось 10 мая. 29 апреля Чехову было послано приглашение на него (РГБ). Но он не смог из-за болезни О. Л. Книппер выехать из Ялты. О заседании Чехова подробно информировал Ф. Д. Батюшков в письме от 11 мая 1902 года: «Председательствовал А. Н. Веселовский, который сначала хотел снять с очереди заявление Владимира Галактионовича, объявив, что ему известно личное мнение великого князя, но не формулировав его и сославшись на его болезнь. Однако, по настоянию Арсеньева и Шахматова, заявление <...> стало всё-таки обсуждаться, и председательствующий должен был подчиниться силе „разговора“

²³ Там же. С. 340.

<...> Академии ли выступать цензором образа мыслей с полицейской точки зрения? <...> все выразили <...> желание снять с Академии ответственность за приписанное ей объявление» [П. 10. С. 506–507]. Из-за болезни великого князя Константина Константиновича очередное заседание перенесли на осень.

Однако Чехов и Короленко своего решения изменить не могли. В знак протеста они вышли из состава почётных академиков. 25 августа 1902 года из Ялты Чехов в письме А. Н. Веселовскому мотивировал свою позицию: *«В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почётные академики. А. М. Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принёс ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст. выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я состою почётным академиком, то это извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно, и я же признавал выборы недействительными – такое противоречие не укладывалось в моём сознании, примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство же с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжёлому и прискорбному, а именно, почтительнейше просить Вас ходатайствовать о сложе-*

нии с меня звания почётного академика» [П. 11, 28].

4 августа 1902 года Короленко прислал Чехову копию своего письма в Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, в котором он подтвердил свою позицию, изложенную ранее в письме к А. Н. Веселовскому.

Моя совесть, как писателя, не может примириться с молчаливым признанием принадлежности мне взгляда, противоположного моему действительному убеждению. <...> Я вижу себя вынужденным сложить с себя нравственную ответственность за «объявление», оглашённое от имени Академии, в единственно доступной мне форме, то есть вместе со званием почётного академика <...> прошу <...> вместе с тем исключить меня из списков и более почётным академиком не числить. Вл. Короленко»²⁴.

Так в августе 1902 года прекратились официальные контакты Чехова и Короленко с Александром Веселовским. Ситуацию разрыва усугубили и публикации за границей: в Штутгарте в русском журнале «Освобождение» (1902 № 10. 2 ноября) в разделе «Сообщения и заметки» под заглавием «Заявление А. П. Чехова» и в Берлине одновременно с публикацией рассказа Короленко «Чудная» в берлинском издании Иоганна Рэде (1903) были напечатаны письма В. Г. Короленко и А. П. Чехова об их отказе от звания академиков²⁵.

²⁴ Там же. С. 346.

²⁵ Русское слово. М., 1904. № 19. 19 янв.-1 февр.

Сама же оценка Чехова как выдающегося писателя у академика Александра Веселовского измениться не могла. Она, бесспорно, отражена была и в позиции его брата – Алексея Николаевича Веселовского, профессора литературы Московского университета, председателя Общества любителей российской словесности при Московском университете.

С Алексеем Николаевичем Веселовским Чехов был знаком давно, они встречались и в Москве, и в Кисловодске [С. 17, 223]. В адресной книжке Чехова есть московский адрес Веселовского [С. 17, 184].

Алексей Веселовский, тогда ещё приват-доцент Московского университета, не без рекомендации брата, академика Александра Веселовского, привлекался Отделением русского языка и словесности к участию в рассмотрении сборника А. П. Чехова «В сумерках» при баллотировке на Пушкинскую премию в составе трёх посторонних литераторов. В то время Чехов ещё не был знаком с Алексеем Веселовским.

Алексей Веселовский, став после Н. И. Стороженко председателем Общества любителей российской словесности, всегда дорожил мнением Чехова, члена Общества с 1889 года, не раз просил его дать рассказы в благотворительные сборники для поддержания авторитета Общества. Даже после «академического инцидента», 11 октября 1902 года, по его инициативе действительный член общества Чехов был единогласно при тайном голосовании избран временным председателем Общества. В газете «Русские ведомости»

мости» (1903. № 280. 12 октября) сообщалось:

«Избрание это было встречено выражением общего сочувствия, причём было высказано, что Общество желает видеть А. П. Чехова в составе своего бюро не только в воздаяние его литературной деятельности, но и для того, чтобы в его лице укрепить связи с художественной литературой» [П. 11, 321].

Чехов в благодарственном письме Алексею Николаевичу Веселовскому от 11 декабря 1903 года писал: «Это избрание – честь, неожиданная и незаслуженная, о какой я не мог даже мечтать <...> я весь принадлежу Обществу и был бы счастлив бесконечно, если бы мне удалось показать это не на словах только, но и на деле. <...> Будьте добры, напишите мне, когда я могу застать Вас дома. Я давно уже не видел Вас, мне хочется повидаться, поблагодарить лично и поговорить» [П. 11, 360].

Но Чехов по состоянию здоровья не мог принимать участия в публичных заседаниях Общества и просил дать отсрочку «на год или на два».

17 января 1904 года в Художественном театре впервые была поставлена пьеса Чехова «Вишнёвый сад». В антракте после первого акта состоялся импровизированный «Чеховский вечер» в честь 25-летия литературной деятельности Чехова. Первую приветственную речь писателю произнёс профессор Алексей Николаевич Веселовский:

«...Вы снова пришли к нам, <...> к тем людям и нравам, к

той действительности, которые всегда находили в вас тонкого наблюдателя, тонкого превосходного изобразителя. Пользуясь отрадною возможностью видеть Вас в нашей среде и застать Вас в минуту большого творческого успеха, во всеоружии таланта и чуткости к запросам жизни, Общество любителей российской словесности возложило на нас лестное поручение <...> приветствовать Вас и выразить надежду, что, опять войдя в непосредственное общение с жизнью, Вы обретёте новые, свежие силы для деятельности на славу отечественной литературы». Текст речи был напечатан в «Русском слове» в корреспонденции «Чеховский вечер»²⁶.

9 февраля 1904 года Чехов писал Алексею Николаевичу: «Я не знаю, как мне благодарить Вас за 17 января. Это честь, которой я не ожидал и, во всяком случае, не заслужил. Спасибо Вам большое, никогда я этого не забуду» [П. 12, 33].

²⁶ Там же.

А. Г. Головачёва
**«...Брат и сестра Антоний
и медицина Чеховы»**

Строка, вынесенная в заглавие, взята из письма Антона Павловича Чехова от 17 января 1887 года к его старшему брату, журналисту Александру. Эта подпись к письму, конечно, шутливая, отвечающая тому взаимно поддразнивающему тону, какой был принят в переписке между братьями: «Испрашивая Вашего благословения, остаюсь любящие брат и сестра Антоний и медицина Чеховы» [П. II, 15]. Основанием шутки был реальный факт: Антон Чехов «породнился» с медициной в возрасте 19 лет, когда, покинув свой родной город Таганрог, стал студентом медицинского факультета Московского университета. В 1884 году, закончив университет, он получил свидетельство о степени лекаря и звании уездного врача. Значима и дата под письмом с такой подписью: 17 января – день рождения Чехова и его именины, совпадавшие с днем преподобного Антония Великого. Такие дни, как правило, становятся этапами подведения итогов прожитого и составления планов на будущее. Какова бы ни была степень шутки, из неё можно сделать серьёзный вывод: хотя бы в ближайшем будущем Чехов видел свой путь рука об руку с медициной. В нескольких письмах он даст и другое

шутливое определение роли медицины в своей жизни – «законная жена» (в отличие от «незаконной жены» – литературы, которой не обучался профессионально).

Впоследствии биографы Чехова не раз будут обращаться к реальной сестре Антона Павловича – Марии Павловне Чеховой, ставшей наследницей знаменитой Белой дачи в Ялте и хранительницей творческого чеховского наследия. Переписываясь со многими корреспондентами, М. П. Чехова не стеснялась признаться: «...при жизни брата я никогда не подходила к нему, как к писателю, тем более такому, биографию и творчество которого в будущем будут досконально изучать, он был для меня всегда и прежде всего любимым братом...»²⁷ Она не принимала на себя роль всестороннего знатока по научным вопросам. Тем не менее ей приходилось оказывать полезные консультации самым различным специалистам: составителям реального комментария, готовившим издания его сочинений и писем; литературоведам, постигавшим тайны мастерства великого писателя; драматургам, выводившим образ Чехова на сцену; художникам, намеревавшимся создавать живописные портреты Чехова. Среди тех, кто обращался к сестре писателя за советом и помощью, были и исследователи, занимавшиеся темой «Чехов и медицина».

Консультации М. П. Чеховой по вопросам врачебной де-

²⁷ Дом-музей А. П. Чехова в Ялте (далее: ДМЧ). Чеховиана за 1955 г. Л. 18–18 об.

тельности А. П. Чехова содержали ценные сведения, воплощённые в целом ряде отечественных исследований. В их числе с полным основанием можно назвать очерк М. С. Рабиновича «Чехов и медицина», опубликованный отдельной брошюрой в Омске в 1946 году и «Омском альманахе» за 1947 год; книгу В. В. Хижнякова «Антон Павлович Чехов как врач», изданную в Москве в 1947 году; книгу И. М. Гейзера «Чехов и медицина», выпущенную Госмедиздатом в 1954 году; брошюру «Слово о докторе Чехове» (М., 1960) Е. Д. Ашуркова, переписывавшегося с Марией Павловной начиная с 1941 года; книги «Труд и болезнь писателя-врача» (1959) и «Медицина в творчестве и жизни А. П. Чехова» (Киев, 1961) Е. Б. Мёве, широко использовавшего личные устные и письменные свидетельства М. П. Чеховой по соответствующей тематике.

27 сентября 1951 года Е. Д. Ашурков, исполнявший обязанности директора Института организации здравоохранения и истории медицины имени Н. А. Семашко, официальным письмом на бланке Академии медицинских наук СССР обратился к Марии Павловне с просьбой написать о Чехове как враче. «В частности, – уточнял он, – желательно осветить следующее:

- 1) насколько медицинская деятельность А. П. проявлялась в разные периоды его жизни (Бабкино, Мелихово, Ялта);
- 2) как относился он к этой деятельности, по Вашим на-

блюдениям;

3) какую помощь Вы лично оказывали ему в медицинской работе;

4) как Вы помогали ему при подготовке поездки на Сахалин и т. п.»²⁸.

Ответ из Ялты в Москву был послан 14 октября 1951 года. Он занял три машинописные страницы, подписанные рукой М. П. Чеховой. Из него понятна и та роль, которая выпадала Марии Павловне во врачебной помощи брату. Ниже этот текст приводится в полном объёме.

Медицинской деятельностью мой покойный брат Антон Павлович Чехов занялся сразу же по окончании Московского университета в 1884 году. Уж е летом этого года он работал в Звенигороде, заменяя там некоторое время земского врача. Продолжал он там же периодически работать и в следующие годы, когда в летнее время мы жили на даче под Москвой в имении Киселёвых Бабкино.

В Москве Антон Павлович врачебной практикой занимался от случая к случаю. В больницах он не работал, а к практикующему на дому молодому врачу обращались мало. К тому же литературная деятельность, которой Антон Павлович посвятил себя ещё с первых лет студенчества, отнимала у него много времени.

Продолжал заниматься медицинской деятельностью Антон Павлович и на Луке, близ города Сумы в 1888-89 го-

²⁸ ДМЧ. Чеховиана за 1951 г. Л. 21. Машинопись, подпись-автограф.

дах, когда наша семья жила на даче в имении Линтварёвых. Дочь Линтварёвых работала врачом на фельдшерском пункте, и Антон Павлович нередко помогал на приёме больных, участвовал на консилиумах и т. д. Антон Павлович к медицинской деятельности относился всегда очень серьёзно, вдумчиво, и я помню, с каким вниманием относились врачи к мнениям и суждениям Антона Павловича по медицинским вопросам.

Когда в 1890 году Антон Павлович собирался в поездку на остров Сахалин, он решил всесторонне познакомиться с Дальним Востоком и Сахалином по опубликованным уже литературным материалам. Мне пришлось тогда помогать ему в сборе нужных для него сведений. Я ходила в Румянцевскую библиотеку, отыскивала необходимые книги, делала из них соответствующие выписки.

Наиболее активная врачебная деятельность у Антона Павловича развилась в Мелихове, куда мы всей семьёй переехали из Москвы в 1892 году, приобретя в собственность небольшую усадьбу-имение. В те времена в деревнях и сёлах Серпуховского уезда медицинская помощь населению была организована крайне плохо. Многие районы с десятками сёл и деревень подчас не имели врачей. Поэтому, когда крестьяне Мелиховского района узнали, что новый хозяин мелиховской усадьбы является врачом, к Антону Павловичу потянулись больные с просьбами об оказании помощи. Причём нередко приезжали из деревень за много вёрст от Мелихо-

ва. Вот здесь-то Антон Павлович и организовал постоянную врачебную работу. Он установил ежедневные утренние приёмные часы больных. Создал себе домашнюю аптеку для выдачи больным лекарств. С течением времени этот приём «писателем-врачом» настолько установился и вошёл в быт крестьян окружающих деревень, что по утрам у нас в усадьбе, по существу, был настоящий врачебный пункт.

Большое количество больных требовало помощника Антону Павловичу. Этим помощником была я. Трудно правильно назвать, в качестве кого я работала тогда: и медсестрой, и ассистенткой при несложных операциях, делающей потом самостоятельные послеоперационные перевязки, и заведующей нашей домашней аптекой, выдававшей крестьянам лекарства по написанным братом рецептам. Нет нужды упоминать о том, что и врачебный приём крестьян, и выдача им лекарств производилась безвозмездно. Помимо этого приёма у себя, установилась практика и вызова Чехова-врача к тяжело больным, и больным, требующим срочной неотложной помощи, и т. д. Всё это, конечно, утомляло брата, но я ни разу не слышала от него, чтобы он тяготился своим положением врача или отказал бы кому-нибудь в поездке по вызову в отдалённую деревню.

Кипучую деятельность Антон Павлович проявил во время угрозы эпидемии холеры в Серпуховском уезде. В его ведении находился тогда целый район с двумя десятками деревень. Брат проводил в них профилактические мероприятия, орга-

низовывал больницы, бараки и т. д.

Активная врачебная деятельность Антона Павловича в Мелихове оборвалась весной 1897 года, когда у него самого неожиданно обнаружился туберкулёз лёгких и врачи предложили ему изменить образ жизни и прекратить напряжённую работу.

При жизни Антона Павловича в Ялте он по состоянию здоровья не мог уже заниматься практической врачебной деятельностью. Но вместе с тем он никогда не отказывал в медицинской помощи бедняцкому населению окраин Ялты, студентам, приезжающим лечиться в Ялту без гроша в кармане, и другим малоимущим больным. Стетоскоп, молоточек и плессиметр всегда лежали на письменном столе брата.

В Ялте до сего времени существует санаторий имени А. П. Чехова для горланно-лёгочных туберкулёзных больных, тот самый бывший санаторий «Яузлар», который в самом начале этого столетия [XX. – А. Г.] был создан при непосредственном участии Антона Павловича для малоимущих туберкулёзных больных. В те времена это был один из первых в Ялте сравнительно общедоступных туберкулёзных санаториев.

Конечно, медицинская деятельность Антона Павловича по сравнению с его литературной деятельностью представляет лишь частное, эпизодическое значение, но нужно помнить высказывания самого писателя о том, что занятия

естественными науками и врачебно-медицинская деятельность очень много помогли ему и в его литературном творчестве.

*М. Чехова*²⁹.

Сохраняя Дом-музей Чехова в Ялте как культурное достояние человечества, М. П. Чехова, порой сама того не ведая, служила целям не только нравственного, но и физического оздоровления общества. Об этом можно судить хотя бы по такому письму, какое прислал ей в 1947 году, по сути, незнакомый корреспондент И. Д. Галькевич, чей обратный адрес – номер военно-полевой почты на территории освобождённой от фашистов Европы. Бесхитростное это письмо – из тех, что убеждали сестру Чехова в правильности того дела, которому она посвятила большую часть своей жизни.

Здравствуйте, глубокоуважаемая Мария Павловна!

Из далёкого далека шлю вам искренний привет и низкий поклон до земли светлой памяти Антона Павловича.

Много времени прошло с тех пор, когда я имел счастье познакомиться с Вами и провести много часов в тихом уютном домике-музее Антона Павловича.

Это было в 1931 году в январе месяце. Вследствие автомобильной аварии в октябре 1930 г. я после длительного лечения в госпитале был направлен в Институт физических методов лечения в Ялте. Больным нервам хотелось покоя, и я искал его на берегу моря, но вечно беспокойное – оно не

²⁹ ДМЧ. Чеховиана за 1951 г. Л. 19, 19 об., 20. Машинопись, подпись-автограф.

давало мне его и не могло дать.

Этот душевный покой я нашёл в домике-музее, куда я пошёл по совету лечащего врача.

До сих пор помню, с каким чувством глубокого уважения я входил в этот домик.

Вот стеклянная веранда, на которой часто отдыхали В. Короленко, Максим Горький и другие гости.

Вы, Мария Павловна, спускались по лестнице и, любезно меня встретив, предложили – видя, очевидно, мое состояние, – отдохнуть, а потом ознакомиться с музеем.

Когда я вошёл в первую комнату, ту, где направо у двери стояла большая деревянная чашка русской резной работы, – меня охватило волнение. Мне казалось, что в соседней комнате за письменным столом сидит Антон Павлович. Та к всё живо напоминало о нём...

Вот диван в нише, на котором любил отдыхать Антон Павлович.

Спальня. Ночной столик. Коробочка с медикаментами.

Охватывает впечатление, что Антон Павлович недавно ушёл из комнаты...

На другой день я снова пришёл в эти маленькие комнаты, так много говорящие сердцу советского читателя.

И стало для меня потребностью бывать в домике, и незаметно для самого себя я успокаивался, отдыхали больные нервы.

Вы рассказывали мне об Антоне Павловиче, я вспоминал

его произведения, написанное о нём, его простую отзывчивость на горе людское.

Много музеев я посетил – Ясную Поляну и могилу Л. Н. Толстого, музеи А. С. Пушкина и Максима Горького в Москве, музеи М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, и все они оставляли глубокие впечатления, а в домике-музее А. П. Чехова – я выздоровел.

Моя мечта – по возвращении на Родину – вновь посетить тот домик...

Спасибо вам, глубокоуважаемая Мария Павловна, за сохранение этого прекрасного памятника прекрасному писателю.

Я лечусь в госпитале после контузии, в результате чего было сотрясение мозга в сильной степени. Пять месяцев я провёл в постели. Теперь значительно лучше. Я уже могу писать и пишу это письмо с благодарной памятью за те далёкие дни, которые я провёл в домике-музее³⁰.

Подобных писем М. П. Чехова получала много. При всей схожести на другие, в этом, однако, есть примечательная особенность – утверждение о целительной силе воздействия чеховского дома. Сотрудникам музея, проводящим экскурсии в течение многих лет, доводилось часто слышать от посетителей, что в чеховском доме у них приходит в норму давление, успокаиваются сердечные боли, а день, проведённый в чеховском саду, прибавляет сил, как после долгого отды-

³⁰ ДМЧ. Чеховиана за 1947 г. Л. 146, 146 об., 147, 147 об. Рукопись.

ха. Недаром это дом доктора Чехова! И стоит отдать должное тому неизвестному врачу, который в далёком 1931 году посоветовал своему пациенту прийти за душевным покоем именно в этот «домик-музей».

Часть II

Ю. И. Айхенвальд

А. П. Чехов. Основные моменты его произведений

Кончина Чехова произвела на многих впечатление семейной потери, – до такой степени роднил он собою, пленяя мягкой властью своего таланта. Из тонких нитей сплетал он в своих рассказах человеческие души; в свои миниатюры он вместил всё глубокое содержание жизни и обвеял его дыханием проникновенной элегии. Как один из героев, живший в чудном саду, он был царь и повелитель нежных красок. Писатель оттенков, он улавливал почти незаметные переживания сердца; ему был доступен самый аромат чужой души. Вот почему его так трудно анализировать, – нельзя, да и грешно разбирать по ниточкам драгоценную ткань его произведений: это разрушило бы её, и мы сдунули бы золотистую пыль с крылышек мотылька. Чехова меньше чем кого-либо расскажешь: его надо читать, и, читая, мы как бы пьём его строки, мы боимся пропустить в них хотя бы единое слово, потому что, несмотря на свою простоту, – правда, дорогую и благородную, – оно содержит в себе художествен-

ный штрих наблюдательности, необыкновенно смелое и поэтичное олицетворение природы или вещей, удивительную человеческую деталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.